

Евгений Сафронов

Кладбище в индивидуальном ракурсе (полевые заметки)¹

О значении, символике и функциях кладбища в традиционной культуре говорилось неоднократно². Цель настоящей работы — конкретизировать уже имеющиеся наблюдения на данную тему. Главным образом нас интересует то, как оценивается и воспринимается кладбище отдельным представителем сельской традиционной культуры, какую роль оно играет (может играть) в повседневности одного человека. Такой ракурс позволит, с одной стороны, уйти от некоторой абстрактности, привычной обобщенности, свойственной многим фольклористическим и близким к ним исследованиям, когда выводы делаются на основе сведений, полученных из разных локальных и региональных традиций, разновременных записей от различных респондентов. Это в какой-то мере будет способствовать и преодолению привычного «зазора» между тем, что исследователь наблюдает «в поле», и тем, что впоследствии оказывается «на бумаге» (в научных работах, «в теории»).

Евгений Валериевич Сафронов
Ульяновский государственный
педагогический университет
nuyvitarn@yandex.ru

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 08-01-00497а «Этнодиалекты Ульяновского Присурья (на материалах 20 — начала 21 века)».

² Укажем некоторые последние по времени работы, посвященные этой теме: [Акимов 2007; Иванова 2007; Иванова 2008; Левченко 2009; Громов 2010; Добровольская 2010; Карвалейру, Матлин 2010].

С другой стороны, не стоит забывать, что все размышления о традиционной культуре (даже в ее локальном варианте) в конечном итоге исходят из наблюдений и бесед с конкретной личностью, обладающей особой системой взглядов на мир, неповторимой судьбой, уникальным жизненным опытом. Конечно, общее и особое, традиционное и окказионально-специфическое, свойственное многим и только одному разграничить чрезвычайно сложно, да и вряд ли возможно без существенных упрощений. Подчеркнем, однако, еще раз, что наша основная задача — показать значение кладбища (как сложного культурного феномена и эмоционально значимого символического пространства) для конкретного «носителя» сельской традиционной культуры.

С Елизаветой Васильевной С-ной [1], жительницей одного из сел Майнского района Ульяновской области¹, мы познакомились в 2010 г. Всего я встречался с нею два раза. Первая беседа была непродолжительной — около 40 минут. Разговор происходил в окружении пяти-шести собеседниц, собравшихся на месте бывшей церкви. Односельчанки ожидали, когда привезут местную святыню — известную далеко за пределами области икону Жадовской Божьей Матери. Ситуация ожидания, а также соответствующий эмоциональный настрой (бабушки сами пригласили нас, молодежь, поучаствовать в этом «богоугодном» деле) способствовали тому, что я выступил только инициатором разговора, в частности, направил беседу на тему явления умерших (во сне и наяву); далее информантки обменивались рассказами-репликами («историями») самостоятельно, лишь изредка прерываясь, чтобы ответить на мои вопросы.

С-на, несмотря на то, что подошла позднее других, вскоре переключила общее внимание на себя. Уже в первом рассказе, записанном от нее, упоминается сельское кладбище, которое осмысливается как пространство «обратной связи» с умершими, т.е. в качестве места, куда можно прийти для того, чтобы пообщаться с покойниками — попросить их о чем-либо, дать им указание и даже отругать их.

У нас один раз — папа без конца мне снится и снится. <...> А годато уж ушли: делать-то [поминки тяжело], чугуны ворочать-то. Ну, ладно, я перестала, вот он снится и снится. Я пошла к нёму [в реальности пошла на могилу к отцу]: «Пан! Что ты меня до-нимаешь? — я говорю. — Я уже не в состоянии сделать поминки. Будет время, может, как-нибудь и сделаем, но щас я не буду делать». Перестал, не стал мучить [сниться].

¹ Полный паспорт информантов не приводится по соображениям полевой этики.

В том же значении кладбище выступает и в другом рассказе Елизаветы Васильевны, который последовал сразу же вслед за процитированным выше (без моих дополнительных вопросов или реплик со стороны собеседниц). Тяжело больному мужу С-ной стали являться во сне его умершие мать и сестра.

Он [муж] мне и говорит: «Опять я Елизавету да мать видел! Опять оне, грит, приходили ко мне». Я собралась (вот грешна, Господи, прости меня, пожалуйста!), собралась и пошла на кладбище [в реальности, не во сне]. И вот я утругала их обоих [умерших сестру Елизавету и мать] на кладбище! Всё, больше ни разу не приснились до самой смерти. До самой смерти.

Во время нашей второй встречи (она состоялась несколько месяцев спустя после первой) С-на описала эту ситуацию подробнее.

Прихожу на кладбище (вот не сойти с места!), прихожу на кладбище, встала вот эдак над крестом, гляжу на ее фотографию и говорю: «Мама! Зачем ты ёво [мужа] донимашь? — я грю. — Что вы с Лизой донимате ёво? <...> Ты ёво к себе возьмешь, — я грю, — я не хочу тебе ёво отдавать. Он мне нужнее, чем тебе! Зачем ты ёво донимашь?». Вот я даже матом выругнулась на кладбищах. На кладбищах грех непощеный ругаться, а я выругнулась.

После того, как сны временно прекратились, Елизавета Васильевна посчитала своим долгом сходить еще раз на могилу свекрови.

Я ходила у нее прощения просить, когда после сказала-то: прихожу опять туды, встала на коленки перед этим перед крестом (а на кресте фотография ее), говорю: «Мама! Прости меня, пожалуйста!» <...> До сих пор хожу и прощения прошу у нее.

Однако когда через некоторое время мать снова приснилась мужу и позвала его с собой, С-на опять пришла к могиле свекрови, отругала ее и при этом пригрозила умершей лишить ее помина.

Прихожу и говорю: «Мам, ты знашь: окромя меня, здесь никого у тебя нет! И никто для тебя свечку не поставит. Никто не помолится за тебя, никто за упокой тебя не помянет, — я грю. — Если ты у меня его заберешь, не буду — обходить буду за километр твою могилу!». Больше она ёму ни разу не снилась, больше она не приходила ко мне. Зато прислала дядю!

Последняя фраза означает, что накануне смерти мужа ему приснился дядя, который никогда до этого момента не являлся во сне. По мнению рассказчицы, его «прислала» свекровь, поскольку сама она боялась присниться (из-за угрозы С-ной):

Значит, матери нельзя было, потому что я ругаюсь, не даю, а она — вот так вот...

Заметим, что информантка ходит на местное кладбище не только для того, чтобы посетить могилы своих близких и родных (например, на определенные религиозные праздники, в поминальные дни или просто с целью «общения», примеры которого мы привели выше). Есть и другая причина ее регулярных визитов. Уже в первой нашей беседе С-на упомянула об обряде «поить покойника», который она нередко совершает в одиночку либо с ближайшими подругами. Елизавета Васильевна начала рассказывать об этом сама, продолжая основную тему нашей первой беседы («про покойников»).

Девчонки [обращается к собеседницам-односельчанкам], а вот знаете еще чё: вот верьте — не верьте, а я это поверю. И верю, и это не раз у нас: вот дожжей нет. А у нас бывали... были это покойники-удавленники, мы собираем, берем воды, берем осино-вых кольев [идем на кладбище], затыкам-заливам — и уходим. Только домой приходим — дожжик.

Далее С-на дополнила эту реплику рассказом о конкретном случае: в прошлом году они с подругой «напоили» таким образом одного из односельчан, покончившего с собой. После этого, *тока до дому успели дойти — шара-ахнул дожжик!* Любопытно, что перед тем, как сообщить об этом, С-на оглянулась по сторонам — для того, чтобы убедиться в отсутствии рядом с беседующими родственников самоубийцы. И лишь затем почти шепотом рассказала об указанном случае. Стоит отметить, что первая встреча с информанткой происходила ранней весной, вторая — в начале аномально жаркого августа 2010 г., таким образом, тема «вызова дождя» была как нельзя более актуальной.

Вторая наша беседа с Елизаветой Васильевной продолжалась около 5 часов, из них более 3-х часов мы провели в избе рассказчицы; оставшееся время заняло совместное посещение кладбища, на котором я и остановлюсь подробнее далее.

Впервые об упомянутом выше обряде «поить покойника» С-на услышала от собственной бабушки. *Это мне годов двадцать было, мне бабушка толкнула в мозги. Мне бабушка так сказала: «Не бойся ёво [умершего]: он к тебе не придет! Ёму хорошо: он напьется, а нам тем более!» С тех пор начала [совершать обряд]. И не только я, все говорят: «Ага, дождь был!» [после того, как «напоят» покойника]. Впрочем, еще до этого отец С-ной рассказывал ей о «мочевиннике» (болотистом месте), куда в свое время свозили всех самоубийц. *А теперь никто этим не занимается, и поэтому дожжа нет!**

По моей просьбе Елизавета Васильевна согласилась сходить с нами на кладбище — для того, чтобы мы смогли заснять на видеокамеру, как происходит сам обряд. Однако провести его не удалось, поскольку, как пояснила С-на, всем своим, местным удавленникам она уже «тыкала», а о «чужих» — тех, кого привезли из города, она ничего не знает: *А нам сейчас навозили с города — мы не знаем, кто они: удавленники ли чё они.* Именно с этими «чужими» покойниками Елизавета Васильевна и связывала засуху 2010 г. По ее словам, сам обряд происходит так: осиновый кол втыкается рядом с памятником или крестом, затем колышек вынимается и в образовавшуюся дыру выливают 5 ведер воды (благо, емкость с водой находится здесь же, на территории кладбища); после этого в дыру снова помещается кол. Кстати, первое, чем занялась Елизавета Васильевна, как только мы зашли за общую ограду, — принялась искать оставшиеся колышки (в могилах у тех, кому она «тыкала» в последнее время).

Продолжая заниматься поисками, она рассказала, что несколько лет назад во время очередной засухи местные старожилы совершили молебен у одного из родников. В этот же день Елизавета Васильевна «тыкала» колышек одному из «свежих» удавленников. С изрядной долей иронии С-на сообщила, что односельчане до сих пор думают, что дождь пошел якобы в результате молебна. Информантка же уверена в том, что на дождь повлиял совершенный ею обряд «поить покойника».

Вопреки моим ожиданиям, главным результатом нашего совместного посещения кладбища стали вовсе не подробный рассказ и «показ» того, как обычно совершался упомянутый обряд. Произошло нечто более интересное.

Вместе с С-ной мы стали переходить от могилы к могиле. Сначала целью был осмотр «чувацкого стояка» — участка на кладбище, где хоронили своих умерших, в основном, представители этой национальности. Затем Елизавета Васильевна пересказала сновидение одного из односельчан, в котором его умершая мать жаловалась на «тягу»: родственники украсили могилу тяжелой мраморной плиткой; после упомянутого сновидения им пришлось срочно заменить ее на более легкую. Я попросил сопроводить меня к этой могиле, чтобы снять ее на видеокамеру. По этой причине мы изменили направление своего движения по кладбищу. Однако вне зависимости от направления нашего перемещения почти через каждые 3–4 могилы С-на останавливалась и начинала рассказывать краткую биографию того, чье надгробье встречалось нам на пути. Основное внимание в этих рассказах Елизавета Васильевна сосредоточивала на характере смерти человека (часто мы останавливались у могил самоубийц).

Приведем некоторые примеры. С-на останавливается возле очередной могилы, качает головой и, указывая на крест, произносит с сожалением: *Раечка, Раечка!* Затем рассказывает о своей односельчанке, которую ее собственные дети «смашили» жить в деревню, продали ее квартиру в городе, а затем стали издеваться: *Она сготовит, а они — не едят!* Информантка встретила ее как раз за день до трагедии («Раечка» повесилась). При этом С-на сообщила, что она ей «не тыкала» — как и другому удавленнику, чья могила находится неподалеку, — поскольку *тогда дожджа не надо было*. Сейчас же обряд проводить нельзя, так как могила должна быть «свежей» — только тогда можно будет надеяться на дождь. Идем далее; Елизавета Васильевна останавливается и, указывая рукой на очередную могилу, произносит: *Ба, это какой-то новенький тут!* Еще через несколько секунд показывает на другую могилу: *Вот еще удавленник! Тоже вот: что ёво заставило? Этому я тыкала, я ёму потом всё обделали. Унёво вот этого и не было* [памятника]. *Жил-жил — прям сразу к чертям на рога!*

Дальнейший «обход» происходил примерно так же (мы останавливались около пятнадцати раз с более-менее подробным рассказом о каждом покойнике). В итоге у меня создалось ощущение своеобразной «экскурсии по инобытию»: Елизавета Васильевна выполняла роль гида по той части села, в которой «проживали» умершие. При этом, повторяюсь, не столько говорилось о биографии покойника, сколько описывался характер его смерти и — главное — воспроизводилось отношение окружающих (в частности самой С-ной) к умершему. Любопытно, что это отношение, судя по словам информантки, сохраняется и долгое время после смерти того, кто становился предметом нашего обсуждения во время «экскурсии». Например, останавливаясь возле очередной могилы, она произнесла: *Вот мимо этого ходют, харкают на нёво, и все говорят: туды бы ёму лететь*. Далее пояснила, что это могила председателя сельсовета, который *никому хорошего ничово не сделал*.

Такое же негативное отношение информантка продемонстрировала, когда мы подошли к могиле ее тетки: *А ее я никогда не поминаю!* Еще до посещения кладбища С-на подробно рассказала нам историю своей вражды с нею: тетка ее «испортила» (сделала порчу «на землю»); в связи с этим Елизавета Васильевна лечилась у знахарки в соседнем селе более полугода. Впоследствии информантка не разговаривала со своей родственницей до самой ее смерти; это же отношение сохраняет к ней и сейчас. В то же время о другой односельчанке, которая при жизни помогала С-ной, наша собеседница высказалась

так: *Так я ее и сейчас не забываю!* [т.е. поминает ее, приходит к ней на могилу].

Обратим внимание, что информантка несколько раз в процессе нашего «обхода» отмечала определенным восклицанием момент обнаружения новой, неизвестной ей могилы. Например: *Стоп! Не дурак ли я [sic!]? А это вот недавнишня! Это кого ж тут закопали? А! Вон этой старухи дочь* [показывает рукой на соседнюю могилу]. Это (а также ряд других наблюдений) позволяет предположить, что С-на взяла на себя роль своеобразного общественного «хранителя» (блюстителя) местного кладбища, точнее, тех правил, которые связаны с похоронами самоубийц. В частности, об этом говорит не только то, что на кладбище фактически нет ни одной могилы «удавленника», которую С-на бы не «залила», но и то, что, по ее словам, в ближайший крупный праздник (на Пасху или родительскую субботу) она собирается специально переговорить с «городскими», с целью узнать у них, не самоубийца ли тот, кого они приехали поведать. Заметим, что в последние годы неместных умерших стали хоронить на здешнем кладбище чаще; причина этого — дешевизна сельских похоронно-ритуальных услуг (по сравнению с Ульяновском, который располагается всего в 40 километрах от села Елизаветы Васильевны). Как мы уже упоминали, именно тем, что хоронят «непонятно кого», и объясняет С-на регулярное отсутствие дождя в последние годы в ее родном селе (по словам Елизаветы Васильевны, так считают и многие ее соседи и подруги).

Наш обход завершился на могиле мужа рассказчицы. Информантка обратила наше внимание на то, что на кресте у него две фотографии. В ателье, изготавливавшей первую, ошиблись с отчеством мужа. С-на заказала еще один керамический овал с портретом, а первый, неудачный, оставила дома. Однако ее сын, заметив, что мать часто плачет над фотографией отца, не спросив позволения, принес овал на кладбище и, замазав отчество, прибил на крест рядом с другим.

Вообще фотографии на крестах и памятниках имели повышенное значение для Елизаветы Васильевны во время всего нашего обхода: именно на них она указывала, когда сообщала биографии покойников. То же произошло и на могиле мужа: глядя на фотографию умершего, С-на рассказала ему о последних новостях — о том, что скоро к ней приедет внук, что она очень рада этому и т.п. В этом отношении неслучайным, на наш взгляд, является и указание одной из ульяновских информанток на то, что во время посещения могилы брата и отца она прежде всего смотрит на их фотографии. *Приходишь и смотришь, какое у них настроение по фотографиям на памятниках:*

либо на тебя [глядят] и как [бы] мимо, либо как будто улыбаются, либо сердитые. Это не только я замечаю, но и другие мои родственники — у всех всегда по-разному [т.е. по-разному оценивают настроение покойников] [2]. Таким образом, посещающий могилу получает возможность узнать об «обратной реакции» умершего (эту же функцию нередко выполняют сновидения).

Стоит подчеркнуть, что мы не ставили перед собой задачи выяснить, является ли описанное отношение к кладбищу уникальным (свойственным только С-ной) или же оно вполне обычно для определенных социально-культурных и возрастных групп именно этого локального варианта традиционной культуры. Конечно, основываясь, например, на наших многолетних полевых наблюдениях, связанных с подобной тематикой, можно утверждать, что описанное отношение, выраженное в ряде текстов и действий, не «выбивается» из рамок традиционного взгляда на кладбище. С другой стороны, невозможно не заметить некоторой особой сосредоточенности («акцентуации») Елизаветы Васильевны на этой теме, обусловленной в том числе недавней смертью горячо любимого супруга (достаточно сказать, что не менее часа второй беседы с нею занял рассказ о болезни мужа и его «приходах» к жене после смерти).

На мой взгляд, встреченные во время обхода с С-ной памятники и кресты с фотографиями выполняли функцию своеобразных вопросов собирателя: они обусловили и содержание нашей беседы (мотивируя — по закону ассоциации — память информантки на вполне конкретные рассказы), и ее композицию, т.е. последовательность подачи текстов. Можно предложить использовать такую «методику» записи, связанную с подключением возможностей значимого пространства кладбища, другим исследователям-полевикам, поскольку она порою более результативна, чем обыкновенное интервью. Далее любопытно было бы сопоставить описания (и записанные материалы) подобных обходов, зафиксированных в различных локальных традициях.

Видео. Посещение кладбища
с Елизаветой Васильевной С-ной. 2010 г.
Собиратель Евгений Сафронов; видеооператор Илья Павлов

Библиография

- Акимов П.А.* Русское надгробие XVIII — первой половины XIX века: идея жизни и смерти в пластическом воплощении и эпитафии // Вестник Московского университета культуры и искусств. 2007. № 6. С. 230–233.
- Громов Д.В.* «Вы меня не ждите...»: что фиксируется на современных могильных памятниках // Живая старина. 2010. № 1. С. 30–32.
- Добровольская В.Е.* «От мертвых с погосту гостинца не носят...» // Живая старина. 2010. № 1. С. 27–30.
- Иванова А.А.* Кладбища и могильники в культурной традиции Пинежья (к вопросу о роли контекстных связей в фольклорном текстообразовании) // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2008. Вып. 4. С. 28–35.
- Иванова А.А.* Кладбища и могильники в культурном ландшафте Пинежья // Традиционная культура. 2007. № 4. С. 117–122.
- Карвалейру А.М., Матлин М.Г.* Современные кладбища Ульяновской области // Живая старина. 2010. № 1. С. 23–26.
- Левченко И.Е.* Погребальные практики (историко-социологический экскурс) // Известия Уральского государственного университета. Сер. 3: Общественные науки. 2009. № 4. С. 158–165.

Список информантов

1. Елизавета Васильевна С-на, 1934 г.р., образование 7 классов, жительница Майнского района Ульяновской области.
2. Мария, около 30 лет, высшее образование, родилась и проживает в Ульяновске.